

Анастасия Гуторова

ТЕОРИЯ СОБЛАЗНА

УДК 82-3
ББК 84-4
Г97

Гуторова А.

Г97 Теория Соблазна / Анастасия Гуторова – М.: Литнет, 2026. – 368 с.

ISBN 978-5-521-99140-2

Соблазн — точная наука, и женщины в ней лишь переменные. Я, Рольф Гаррет, находил алгоритм для любого сердца, пока не встретил её. Она не поддавалась «Теории соблазна». Её взгляд говорил одно, а поступки совсем другое. Я не мог её вычислить и не мог её контролировать. Эта «аксиома» сводила меня с ума. И впервые я играл не на победу, а чтобы понять. И самое страшное, что в этой безумной погоне за разгадкой я впервые ощутил вкус... азарта. Что вас ждет: Циничный герой, который любит математику. Героиня, которая отказывается быть «уравнением». Игра, где правила меняются с каждой главой.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99140-2

© Литнет, 2026
© А. Гуторова, 2026

Холодный кончик коснулся моего живота.

«Предел» дёрнулся так сильно, что я застонал.

Разряд. Дрожь. Пробуждение.

Касания маркера сводили с ума – холодные линии на горячей коже, медленные, аккуратные.

Теперь я понимаю, что чувствуют девушки, когда я делаю то же самое.

Но она продолжала старательно выводить цифры, как школьница у доски. Я узнал их сразу. Число π . Первые три цифры. 3,14. Окружность, по которой мы ходили друг вокруг друга все эти дни. А потом рядом дописала знак бесконечности.

– Это всё, что я помню, – улыбнулась она. – Π и бесконечность. Хватит?

Пытался выровнять дыхание, чувствуя, как под её рукой моя привычная математика перестаёт работать. Впервые желание было не функцией, а константой.

*«Теория Соблазна»,
Рольф Гаррет*

Глава 1

Уравнение: поиск истины.

Неизвестная: женщина-исключение, способная опровергнуть Теорию Соблазна.

Переменные Рольфа: обаяние (константа), анализ (фундаментальная функция), контроль (необходимое условие).

Цель эксперимента: найти «аксиому», чья сложность нелинейна и не вырождается со временем.

Желаемый результат: получить вызов, а не очередное разочарование.

Сегодня вечером у меня очередная проверка теории на практике.

Джиллиан Такер ждала меня на четвёртое свидание. Она из тех, кто любит командовать – гостиницу отмела сразу, захотела чувствовать себя хозяйкой. В своей глупой иллюзии контроля. Смешно. Хозяйка может сменить постельное бельё, но не может сменить себя.

Вечно любит спорить со мной на философские темы. А я люблю философию – ещё с Оксфорда. Мой профессор часто задавал мне вопрос: «*Кто такие люди?*»

Люди – это уравнения. Со своими кодами, триггерами и протоколами. А любовь – всего лишь сбой в программном обеспечении, который можно смоделировать, вызвать и... деактивировать. Баг, который исправляется одним кликом. Достаточно подставить верные значения, чтобы получить нужный результат. Моя жизнь – тому доказательство.

А ещё – моя работа.

Днём я – Рольф, продавец-консультант. В магазине, где продают не стиль, а лишь его подобие для «откровенно среднего класса». Я надеваю маску каждый раз, когда переступаю порог. Моя миссия выходит за рамки ценников и скидок. Я не продаю товар; я его

использую. Как приманку. Моя настоящая цель – вычислить их: прочитать невысказанное, увидеть подтекст, уловить ту живую, трепетную неуверенность, что прячется за безупречными витринами и натянутыми улыбками. Изнанка, которую они так тщательно скрывают. Это единственное, что здесь подлинно.

За время общения с этой девушкой ресурс интереса исчерпал себя. Её командный тон, её философия, её попытки быть равной – всё это создавало фоновый шум, который я научился отключать. Но у меня есть принцип: доводить дело до конца.

Как и следовало ожидать, эта жгучая блондинка шла с победоносной улыбкой, как у охотницы, которая уже считает добычу своей. Цокала каблуками громко, уверенно. Каждый шаг – отпечаток её мнимого превосходства, который я стирал ещё до того, как он успевал застыть.

Наивность и кокетство – две переменные, которые я всегда просчитывал в них. Они думают, что знают обо мне всё. Мой профессор в Оксфорде говорил: *«Речь дана человеку, чтобы скрывать свои мысли»*. Они скрывают. Я скрываю. Вопрос только в том, кто свободно говорит на языке шифрования. Ведь слова – это тоже код. И я владею им в совершенстве.

Я стоял в проёме двери этой скучной квартиры, прислонившись плечом к косяку. Она не опоздала ни на минуту – пунктуальность, которая в её исполнении выглядела не как уважение, а как нетерпение. Красиво одета, хотя просил надеть чёрное. Но она снова устроила бунт – серый цвет для тех, кто боится быть замеченным. В моей системе координат она давно уже была просто точкой – но мнила себя центром вселенной.

– Как дела? – улыбнулась она, потянувшись к моей щеке. Губы накрашены красным – кричащим оттенком, который должен говорить о страсти, а говорит только о безвкусице. Запах её духов ударил в нос раньше, чем она успела ко мне прикоснуться. Цветочный... а дарил я ей совсем другой.

– Всё хорошо, – я отстранился, чтобы почувствовала дистанцию, и захотела её сократить. – Рад видеть. Серый тебе идёт... Но чёрный был бы лучше.

– Не люблю чёрный. Но в следующий раз буду в нём, – наглая ухмылочка нарисовалась на её губах.

Она думает, что торгуется. Бедная. Даже не представляет, что торг закончился в тот момент, когда она согласилась на четвёртое свидание.

Я взял её за руку и провёл в гостиную. Мягкий свет, приглушённые тона, тишина – всё работало на меня. Идеальные условия для эксперимента.

В углу стояло кресло. Я уже видел этот треугольник: бёдра, спинка, изгиб спины. Геометрия, выстроенная задолго до её прихода. Свет падал так, как я рассчитал – каждый блик на своём месте, каждая тень там, где ей положено лежать. По законам моей физики. Формула, не сулящая ничего нового. Но сегодня она станет моей теоремой Пифагора. Доказательством, которое я пропишу её телом.

Она стояла, не двигаясь, – ждала. Знала, чем это кончится – в этом смысле все они знают, – но не знала, как именно я начну. Поэтому и затаила дыхание, когда я провёл пальцем по её щеке. Прикрыла глаза, качнулась ближе. Тело реагирует даже тогда, когда сознание ещё не поняло, что происходит.

– Раздевайся, – сказал я ровно. – Не торопясь.

– Так сразу... Мне нравится, – она кокетливо закусил губу.

Но я не ответил. Мог бы поласкать её, разогреть, или сделать вид, что мне не всё равно – но столько минусов в её досье не заслуживают прелюдий. Прелюдии – для послушных. Для тех, кто приходит без масок и честно играет свою роль. А она... много играла не своих ролей.

– Полностью всю снимать? – прошептала Джиллиан.

Я улыбнулся и кивнул. Она спускала лямки платья, глядя на меня с глупой верой в то, что её тело – козырь. Ткань скользнула вниз,

обнажая не только кожу, но и её уязвимость. Я сканировал, отмечал про себя: живот чуть полноват, кожа на бёдрах не такая упругая, как могла бы быть при её «активном образе жизни». Лёгкая асимметрия сосков. Очередная ложь, вскрытая наблюдением. Они всегда врут. *Всегда.*

Когда она осталась обнажённой, я подошёл к столу и взял коробку. Чёрное шёлковое бельё – мой фирменный знак. Ритуал для каждой переменной.

Хотя ей можно и без него – протокол нарушен.

– Это что? – она подошла ближе, пытаясь меня обнять. Женщины всегда так делают, когда не знают, что сказать.

– Хотел предложить тебе его надеть... – я оценил её грудь. – Но... – отбросил коробку в сторону, резко развернул её спиной. Она ахнула, но не сопротивлялась. Они никогда не сопротивляются, когда действительно хотят. А она хотела. Не меня, а подтверждения, что она достойна быть в списке.

– Тебе нужно сесть в кресло. Спиной ко мне.

Она самоуверенно улыбнулась и послушно встала в ту позу, которую я хотел. Идеально. Как по учебнику. Как и все другие до неё.

Я подошёл ближе и поцеловал её спину, одновременно сжав ягодицы. Она прерывисто выдохнула. Пальцы утонули в мягкости, но мозг фиксировал только цифры: угол наклона, количество родинок, вздрагивания.

– Знаешь, что такое треугольник? – спросил я, проводя ладонью по её позвоночнику. От шеи вниз, медленно, позволяя коже покрываться мурашками. Я чувствовал, как под кожей перекачиваются позвонки – чётки, по которым можно отсчитывать её возбуждение и доказывать теорему. Там, где седьмой шейный, я нащупал вершину. Крестец обозначил основание. А между ними легла моя ладонь – гипотенуза, соединяющая точки и вычисляющая угол её падения.

– В школе что-то проходила... – её голос дрогнул. Дрожь – робкая переменная в этом уравнении.

– Это хорошо. Тогда ты поймёшь.

Я отступил назад, оценивая композицию. Свет падал на неё под нужным углом. Тени подчеркнули изгиб поясницы, сделали ягодицы совершенной полусферой. Скульптура, на которую ложилась моя теория.

– Что-то не так? – выдохнула она.

– Всё так. Пытаюсь красиво поставить тебя в позу.

– Зачем? – она попыталась приподняться. Бунт. Слабый, обречённый, но бунт. И снова минус в досье.

– Для твоего же удовольствия, милая, – я шлёпнул её по ягодице, и она вздрогнула от неожиданности. Пусть понимает, кто здесь задаёт ритм. – Знаешь теорему Пифагора?

Она замерла, не понимая, куда я клоню.

– Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов, – я снова провёл ладонью по её спине, от лопаток до поясницы. Медленно касаясь каждого позвонка. – Идеальное соотношение, когда два тела подходят друг другу так, что третье становится лишним.

Она выдохнула, но молчала.

– Твои бедра, мои руки, угол наклона. Если всё сложится правильно, мы получим гармонию, которую математики ищут веками.

– Ты серьёзно сейчас про теорему? – в её голосе проскользнула усмешка.

Умные не усмеваются в таких позах. Умные слушают.

– Я всегда серьёзен, когда речь о формулах, – я наклонился к её уху, почти касаясь губами. – И о сексе.

Она замерла в ожидании. Я видел, как подрагивают лопатки, как напряглись ягодицы. Каждая клетка её тела кричала: «Сейчас». Но я медлил. Держал паузу, чтобы она начала дышать чаще. Чтобы почувствовала эту пустоту – между желанием и исполнением.

И только когда её тело само качнулось назад, ища меня, – вошёл.

Резко. Глубоко. Без подготовки. Разрушая всю геометрию одним движением.

Она вскрикнула, но тут же закусила губу. Сдержалась. Умная девочка. Или просто хочет казаться умной.

Я двигался размеренно, наблюдая за реакцией. Тело откликалось – стоны становились громче, дыхание сбивалось, мышцы напрягались в такт движениям. Я чувствовал, как влажность усиливается с каждым толчком, как тело становится податливее, как проскальзываю всё глубже, встречая всё меньше сопротивления. Арифметика переходила в высшую математику. Потому что секс – не физическая константа. Секс – это арифметика, где я могу доказывать каждую женщину по-разному. Я – тот, кто сможет довести их до пика. До дрожи.

Она закрыла глаза, запрокинула голову. Ушла в себя, в свои ощущения.

А я смотрел на её спину, на изгиб позвоночника, на то, как подрагивают лопатки, – и чувствовал только одно: жажду власти. Она всегда разгоралась с новой переменной. Холодным пламенем в центре груди.

Выверенная пустота, которую я строил годами, – оказалась самообманом. Просто порядок, где стоны были их переменными, влажность – моей производной от возбуждения, а собственное удовольствие – всего лишь вычислительным результатом.

Всё по формулам. И это работало. Всегда работало.

Очередной толчок – и руки легли на её грудь, сжали. Она стонала, а я дышал в её ухо, периодически покусывая мочку. Ритм участился, превращаясь в механический стук – ровный, как метроном. Как и должно быть. Она снова выкрикнула моё имя. Отлично.

Самооценка возведена в четвёртую степень.

Резко убрал руки, сжал бёдра и ускорил толчки. Она содрогнулась, выгнулась, выдохнула длинно и прерывисто. Я ускорился, стремясь только к финалу. Когда почувствовал, что достаточно, вышел из неё и, схватив с тумбочки полотенце, завершил акт.

– Что и требовалось доказать, – сказал я тихо.

Она ещё тяжело дышала, когда я поднял её на руки и понёс в спальню. Теоремы подождут. Нас ждала практика. Доводить до пика и слушать мелодию из её стонов. Она пластично двигалась, не сопротивлялась и пыталась удовлетворить все мои желания. *Плюс в досье.*

Через пару часов она лежала на кровати. Смотрела на меня со смесью удовлетворения и недоумения. Этот взгляд я видел уже сотни раз. Женщины всегда недоумевают, когда секс заканчивается не так, как в кино. Когда мужчина не падает рядом, обессиленный страстью, а просто идёт в душ.

– Ты... конечно... – выдохнула она, когда я вышел из душа. Но обиду под удовлетворением я слышал всегда.

– Я рад, что тебе понравилось. – улыбнулся я. – Ужин скоро доставят.

– Хорошо... Тогда я тоже в душ. Продолжим там?

– Продолжим. Только сделаю один звонок.

Она скрылась в ванной. Через минуту зашумела вода. Я быстро переоделся и вышел.

В машине я включил двигатель и открыл окно. Холодный воздух ворвался в салон, выдувая её цветочный аромат, въевшийся в одежду. Ненавижу цветочные ароматы.

Я достал телефон.

– Переменная «Тридцать один». В архив. Повторов не будет.

– Принято.

Я откинулся на сиденье и смотрел в темноту.

Снова не нашёл «аксиому», только простую задачку, не более.

На телефон пришло сообщение от матушки. Фото её драгоценных биглей с бантами на шеях и подпись: «Скучаем, ждём в Дублине». Я совсем замотался. Снова её гиперопека. Ничего не меняется. Не люблю весь этот сентиментальный мусор.

Психология – не наука, а высшая форма математики. И моя лаборатория – весь этот безумный, непредсказуемый мир. Мне двадцать